

Цзян Боянь упорно молчал, буравя его сложным, нечитаемым взглядом. Терпение Лу Иня, уставшего ждать, иссякло. Перехватив ручку чемодана, он уже шагнул вперёд, собираясь обойти преграду, когда Цзян Боянь наконец опомнился:

— Подожди!

Он инстинктивно протянул руку, желая схватить Лу Иня за плечо, но тот увернулся. Лицо Цзян Бояня от такой неприкрытой неприязни пошло пятнами от досады. Он зло огрызнулся:

— Вечно ты кривишься. Эй, с чего вдруг ты вздумал съезжать? У тебя просто невыносимый характер, потому ты и дома ни с кем не ладишь. Даже дядя Сун... и тот тебя терпеть не может.

Лу Инь промолчал. Вспыльчивый нрав Цзян Бояня грозил вот-вот вспыхнуть с новой силой. Насупившись, он двинулся следом, затравленно озираясь по сторонам — не дай бог Сун Ян поднимется и застукает их здесь.

— А ну стоять! Да твою мать, Лу Инь, ты меня слышишь вообще? Я с тобой разговариваю! Ладно... Чёрт с тобой. Я просто хотел спросить: чемодан тяжёлый?

Едва прозвучали эти слова, стук пластиковых колёс по полу оборвался.

Лу Инь остановился и медленно обернулся, задумчиво разглядывая собеседника. Цзян Боянь под этим взглядом заёрзал, ощущая, как краска приливает к ушам, и снова вспылil:

— Чего уставился? Язык проглотил?

— Хочешь сказать, — негромко проговорил Лу Инь, — что решил помочь мне донести вещи?

Цзян Боянь и сам не понимал, какая муха его укусила — слова вылетели прежде, чем он успел подумать. Но признаться в этом сейчас, под этим насмешливым прищуром? Да ни за что на свете!

— Да я просто хотел поглумиться над тобой, когда ты надорвёшься.

Лу Инь тихо, искренне рассмеялся, даже не пытаясь скрыть сквозящей в этом смехе иронии.

— Знаешь, Цзян Боянь, порой ты кажешься мне на удивление наивным. У тебя что, вообще никогда никого не было? Потому ты выглядишь... — Он сделал короткую паузу, картинно приподняв бровь. — ...настолько деревянным? Совершенно не умеешь ухаживать.

Лицо Цзян Бояня тут же потемнело от злости.

Для парня его склада упрёк в неумении общаться с партнёром звучал не менее оскорбительно, чем прямое заявление в постели: «Ты ни на что не годен». Цзян Боянь ещё никогда не тыкали носом в подобные вещи, и он на мгновение лишился дара речи, судорожно соображая, как уколоть в ответ.

— Не пойми неправильно, — добил Лу Инь. — Я просто хотел сказать, что ты очень послушный.

— Послушными только псы бывают, так что не обольщайся! — наконец обрёл голос Цзян Боянь. — Мне просто стало тебя жалко, приступ дурацкого великодушия, понял? Но давай начистоту, Лу Инь: ты настолько невыносимый тип, что тебя никто никогда не полюбит. Вся твоя жизнь — один сплошной провал.

Лу Инь выслушал эту тираду с абсолютным равнодушием. Дождавшись, пока тот выдохнется, он бросил короткое:

— Идиот.

И развернулся, чтобы уйти.

Цзян Боянь рванулся было следом, но краем глаза заметил поднимавшегося по лестнице Сун Яна. Ему пришлось резко затормозить. Подавляя рвущуюся наружу ярость, он мог лишь молча смотреть, как Лу Инь уходит прочь, чеканя шаги по коридору.

Сун Ян разминулся с Лу Инем на лестничной площадке. Стоило ему завидеть Цзян Бояня, как его лицо просияло, хотя он тут же привычно сморщил нос:

— Один взгляд на него — и сразу тошно становится.

Цзян Боянь не удостоил его ответом. Он молча развернулся и зашагал вглубь длинного коридора. Сун Ян, заметив его мрачный вид, понимающе хмыкнул:

— Что, опять этот придурок тебе настроение испортил?

— А он когда-нибудь делает по-другому? — огрызнулся Цзян Боянь.

Разговаривая, они подошли к одной из дверей. Цзян Боянь на секунду замялся, но всё же толкнул створку. Он прекрасно знал, что за ней находится спальня Лу Иня, хотя сам никогда сюда не заходил.

Сун Ян недоумённо захлопал глазами:

— Ты чего туда лезешь?

Большую часть вещей Лу Инь уже забрал, поэтому замок остался открыт. Комната встретила их лаконичными чёрно-серыми тонами — полная противоположность кричащей роскоши спальни самого Сун Яна.

Цзян Боянь окинул взглядом пустое пространство и замер.

Сун Ян, решив, что тот затеял какую-то пакость, так и сиял от предвкушения. Он скользнул следом, но вместо погрома застал странную картину: Цзян Боянь провёл двумя пальцами по тёмной поверхности комода, поднял руку к свету и долго, хмуро разглядывал подушечки пальцев.

— Что там такое? — любопытствовал Сун Ян.

— Пыль, — глухо отозвался Цзян Боянь. Он брезгливо растёр налёт между пальцами. — Здесь вообще не убираются?

— Без понятия. Наверное, прислуга забыла.

Цзян Боянь резко развернулся к нему:

— Насколько я знаю, дядя Сун требует, чтобы мою гостевую комнату вылизывали каждый божий день.

— Ну ты сравнил тоже, — Сун Ян замялся, уловив в его голосе странные нотки. — Нашёл из-за чего переживать. Забудь ты про него, он ведь сам ушёл. Сказал же, что больше ноги его здесь не будет.

Подавив глухую досаду, Цзян Боянь принялся бесцельно бродить по комнате. Почти все углы сияли пустотой, и он уже готов был уйти ни с чем, как вдруг его взгляд зацепился за узкую щель между шкафом и стеной. Там что-то лежало.

Он выудил оттуда тонкую папку — это оказался небольшой фотоальбом. Цзян Боянь раскрыл его, а пристроившийся рядом Сун Ян послушно присел на корточки.

Страниц было совсем немного, но каждая из них буквально кричала о чужой близости. На снимках маленький Лу Инь обнимался с каким-то мальчишкой: они держались за руки, бежали куда-то, весело смеялись. От этой счастливой, почти интимной атмосферы у Цзян Бояня внутри всё перевернулось. Пальцы сами собой сжали плотный картон с такой силой, что тот жалобно хрустнул.

— Это ещё кто? — процедил он, отчаянно пытаясь казаться равнодушным.

Лицо этого паренька казалось до безумия знакомым, будто он уже видел его когда-то.

— Понятия не имею, — пожал плечами Сун Ян.

Цзян Боянь не мог оторвать взгляда от улыбающихся лиц на фото.

— Его друг детства?

Чёртовы «друзья детства». Никто в мире не понимал истинный вес этих слов лучше, чем сам Цзян Боянь. Они с Сун Яном выросли вместе, и эта связь была нерушимой. Но здесь... Чёрт, Лу Инь ведь по парням. Эта мысль обжигала изнутри неприятным холодом.

— Слушай, а ведь и правда, был кто-то такой, — оживился Сун Ян, копаясь в памяти. — Да, мне рассказывали. У него был друг, они родились буквально с разницей в пару секунд. Росли бок о бок, водой не разлить, но потом тот парень просто испарился.

Цзян Боянь нахмурился:

— Сдох, что ли?

— Да кто его знает. Может, уехал куда-то. Его тут сто лет никто не видел, связь наверняка давно оборвалась. Постой-ка... Я вспомнил этого мальчишку!

На лице Сун Яна отразилось явное отвращение:

— Мне тогда было лет шесть или семь. Мама впервые привела меня сюда в гости — понятное дело, тогда этот дом ещё не принадлежал нам. И в саду я увидел Лу Иня с этим типом. Они там обнимались, целовались... Точно он! У Лу Иня отродясь других друзей не водилось.

— Целовались?! — у Цзян Бояня от ярости помутилось в глазах.

Сун Ян, упиваясь собственным злорадством, даже не заметил, как перекосило его спутника. Он бесцеремонно выхватил альбом и перелистнул страницу:

— А этот его дружок ничего так, симпатичный. Спорим, Лу Инь из-за него и стал по парням?

Голова Цзян Бояня закружилась ещё сильнее.

Он с грохотом захлопнул альбом и с силой припечатал его к столу. От этого звука Сун Ян вздрогнул и недовольно надулся:

— Да что с тобой сегодня? Ты какой-то странный.

— Терпеть не могу педиков, — бросил Цзян Боянь, поспешно поднимаясь на ноги. Внутри у него всё клокотало от непонятной обиды. — Меня просто тошнит от этого дерьма. Тошнит, понимаешь? Чтобы я больше не слышал имени Лу Иня в этом доме!

Он круто развернулся и вылетел из комнаты.

Внизу, в просторной гостиной, за чашкой чая сидел Сун Хайнин. Внезапный визит Лу Иня изрядно подпортил настроение этому холёному господину, который обычно из кожи вон лез, лишь бы казаться образцом благородства. Ещё секунду назад его лицо искажала недовольная гримаса, но едва завидев спускающегося Цзян Бояня, он тут же нацепил свою привычную, приторно-приветливую улыбку.

— Боянь, — мягко окликнул он юношу, отставляя фарфоровую чашку.

Цзян Боянь подошёл ближе. Обычно он выказывал Сун Хайнину подчёркнутое уважение, но сегодня этот фальшивый оскал вызвал у него лишь глухое раздражение. Не желая тратить время на пустую вежливость, он спросил напрямую:

— Дядя Сун, вы не знаете, где сейчас живёт Лу Инь? Мне нужно его найти.

Сун Хайнин на секунду опешил:

— Что такое? Этот паршивец опять тебе досаждаёт? Не переживай, я сам с ним разберусь.

— Не стоит, — отрезал Цзян Боянь. — Я разберусь с ним сам.

Сун Хайнин лишь развёл руками. Чужая кровь его не заботила, и реальная жизнь Лу Иня интересовала его меньше всего на свете.

Обменявшись быстрым взглядом со спустившимся следом Сун Яном, он сокрушённо вздохнул:

— Этот паршивец всегда был сам по себе. Поступил в университет и совсем от рук отбился — докатился до того, что связался с мужеложцами. Я хоть и отец ему, но сладу с ним не имею. Так что ума не приложу, где он сейчас обитает, уж прости.

Цзян Боянь раздражённо взъерошил волосы. В его голосе проскользнули угрожающие нотки:

— Вам стоит получше следить за ним, дядя Сун. Не хватало ещё, чтобы он таскался со всяким сбродом. Поползут слухи — мало никому не покажется.

И, сообразив, что перегибает палку, торопливо добавил:

— Я беспокоюсь о репутации Сяо Яна.

Сун Хайнин понимающе, благодушно улыбнулся:

— Спасибо за заботу, Боянь. Я приму меры. Обещаю, этот негодяй больше не посрамит нашу семью.

Стоило Цзян Бояню скрыться за дверью, как радушие на лице Сун Хайнина сменилось глухой злобой. Он жестом велел сыну следовать за ним в кабинет.

— Что этот щенок затеял? — с порога рявкнул он.

— Папа, откуда мне знать? — пробормотал Сун Ян. — Я с ним не общаюсь.

Сун Хайнин прикрыл глаза, погружаясь в раздумья:

— С чего это Боянь вдруг взялся расспрашивать о Лу Ине? Здесь что-то не так. Отвечай честно: ты не проболтался ему, что Лу Инь тебе не родной? Я ведь строго-настрого запретил трепать языком.

— Ну конечно нет, пап, ты за кого меня принимаешь? — замотал головой Сун Ян.

Сун Хайнин со всей силы грохнул кулаком по столу:

— Какое же недоразумение... И зачем только я его оставил? Пригрел змею на груди, неблагодарный выродок!

Его узкие глаза хищно сузились, в них блеснул холодный огонёк:

— Раз уж он так падок на мужиков, мы подберём ему достойную партию. Устроим ему брак.

Сун Ян в изумлении уставился на отца:

— Женить его? Но папа, ты не боишься, что...

— Я прекрасно понимаю твои опасения, — перебил его Сун Хайнин. — Не бойся, я выберу такого зятя, рядом с которым этот щенок и пикнуть не посмеет. Свяжем его по рукам и ногам, чтобы больше не путался под ногами. А Шэньлу целиком достанется тебе.

Сердце Сун Яна сладко сжалось от предвкушения, но он постарался сохранить трезвую голову:

— Но он ведь ни за что не согласится на эту кабалу.

Сун Хайнин небрежно отмахнулся:

— Это уже моя забота. Начнёт брыкаться — припомним ему покойную Лу Мэй. Наш Лу Инь ведь такой заботливый, такой послушный сын... Ха-ха-ха!

Сун Ян хищно прищурился. В душе зародилась сладкая надежда: если удастся навсегда убрать Лу Иня с дороги, Шэньлу окажется у него в руках.

Покинув особняк семейства Сун, Лу Инь направился напрямик в центр судебно-медицинской экспертизы. Оставив образцы ДНК для проведения теста на отцовство с Сун Хайнином, он наконец поехал к себе.

Тань Мо сегодня отбыл по делам в Ланьху, так что Лу Инь остался один. Сортировка вещей затянулась до глубокой ночи. Уже ложась в постель после горячего душа, он заметил на экране три пропущенных вызова от Цзян Бояня. Следом за ними посыпался целый шквал сообщений.

К первому сообщению была прикреплена наспех сделанная фотография экрана — Цзян Боянь грубо обрезал старый групповой снимок из детского сада, оставив крупным планом лицо Тань Мо.

[Кто это?]

[Тот самый дружок?]

[Ты из-за него понял, что тебе нравятся парни?]

[Сун Ян видел, как вы целовались в детстве. Тебе вообще не стыдно?]

[Молчишь? Совесть замучила?]

Лу Инь лениво взял телефон. Глядя на светящийся экран, он набрал ответ:

— Ты злишься?

Цзян Боянь ответил мгновенно:

— Отвечай на вопрос!

Лу Инь неторопливо постучал пальцами по клавиатуре:

— С чего бы тебе злиться?

А затем добавил:

— Или дело в том, что я тебе нравлюсь?

Стоило сообщению уйти, как надпись «Печатает...» вверху экрана мгновенно пропала.

Вместе с ней испарился и весь воинственный пыл Цзян Бояня. Больше от него не пришло ни слова. На следующий день Лу Инь так и не встретил его в университете до самого окончания занятий. Поговаривали, что избалованный наследник внезапно взял больничный.

После пар Лу Инь спустился на подземную парковку. Он уже издали заметил свой спорткар, когда из густой тени внезапно выметнулся тёмный силуэт.

В подземном гараже Университета Вечерней Реки вечно экономили на электричестве, и полумрак там царил глухой. Лу Инь, страдавший лёгкой формой куриной слепоты, шёл осторожно, силясь разглядеть дорогу. В зыбких сумерках он уловил лишь резкое движение — кто-то рванулся к нему, протягивая руку. Сработал инстинкт самообороны: Лу Инь наотмашь ударил ногой на опережение.

Раздался глухой стон, а за ним — хриплый, уязвлённый голос Цзян Бояня:

— Это я!

Казалось бы, после этого Лу Иню следовало остановиться. Но тот, словно не услышав, нанёс ещё несколько быстрых, точных ударов. Цзян Боянь, поначалу боявшийся ненароком покалечить парня и сдерживавший силу, никак не ожидал такого напора. Он потерял баланс и с глухим стуком повалился на холодный бетон, баюкая ушибленные колени и ноющий бок.

Резкий луч телефонного фонарика ударил ему прямо в лицо. Цзян Боянь зажмурился. Лу Инь медленно опустился перед ним на корточки, заглядывая в глаза. На его губах играла едва заметная, издевательская улыбка.

— Надо же, Боянь. Какая досада. Извини, я не признал тебя в темноте.

<http://bllate.org/book/20470/2131280>